

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

20—22 июня 2013

**Цикл встреч с лидерами: беседы, меняющие мир
КАК УПРАВЛЯТЬ ГЛОБАЛЬНЫМИ СДВИГАМИ В МИРОВОЙ СИСТЕМЕ
РЕГУЛИРОВАНИЯ**

20 июня 2013

14:00—14:45, Павильон 5, Конференц-зал 5.3

Санкт-Петербург, Россия

2013

Модератор:

Марина Ким, Телеведущая, Телеканал «Россия»

Выступающий:

Хелен Кларк, Администратор Программы развития ООН

М. Ким:

Я рада приветствовать вас в моем родном городе Санкт-Петербурге. Меня зовут Марина Ким. Я представляю крупнейший российский телеканал «Россия». Меня пригласили быть модератором на одной из самых интересных, как я надеюсь, панельных дискуссий в рамках Форума. Беседа обещает быть увлекательной, ведь наша гостья сегодня — уважаемая госпожа Хелен Кларк. Для меня большая честь приветствовать госпожу Кларк, известного мыслителя современности и уважаемого, успешного политика. Она первая женщина — премьер-министр Новой Зеландии. Она внесла большой вклад в развитие образования в своей стране. Ее уверенное руководство помогло Новой Зеландии стабилизировать экономику. После пребывания на посту премьер-министра в течение трех сроков госпожа Кларк продолжила свою карьеру в качестве администратора Программы развития ООН (ПРООН). Название нашей дискуссии — «Как управлять глобальными сдвигами в мировой системе регулирования». Начнем с определения понятия «мировая система регулирования». Это управление без единого центра, своего рода надправительственные отношения. Проще сказать, это аналог внутренней политики государства, но осуществляемой на международном уровне. Невозможно отрицать, что сегодняшний мир очень динамичен, изменения происходят постоянно и с невероятной скоростью, особенно в информационном поле. Способы передачи информации постоянно развиваются. Вспомним роль Твиттера и Фейсбука в произошедших недавно революциях в арабском мире. Изменился ли подход Объединенных Наций к управлению? Какие новые методы регулирования применяет ООН?

Х. Кларк:

Во-первых, действительно важно различать понятия мирового регулирования и деятельности национальных правительств в области законотворчества и управления в рамках одного государства. Мировое регулирование касается вопросов, которые мы должны решать сообща. Например, ни одна страна не

может в одиночку бороться с глобальным изменением климата. Нужно заключить международное соглашение, принять новую конвенцию. Аналогично, в вопросе регулирования международной торговли требуются многосторонние договоры. Поэтому столь важным стало бы успешное завершение Дохийского раунда переговоров, равно как и решение вопроса об эксплуатации ресурсов Мирового океана, что касается всего мирового сообщества. Повторюсь, страны должны решать подобные проблемы вместе. Таким образом, есть сферы, в которых мы должны отказаться от узкого мышления в рамках одного государства и подумать о том, что мы можем сделать все вместе, чтобы справиться с этой проблемой. В этом и есть суть мирового регулирования.

Часто можно слышать о проходящих переговорах между правительствами разных стран. Переговорный процесс занимает какое-то время, но, в конце концов, правительства приходят к решению того или иного вопроса. Мировое регулирование, фактически, выражает мнение граждан разных стран. Средства социальных медиа намного облегчили этот процесс: узнать мнение общественности можно с помощью методики краудсорсинга. Например, Объединённая программа Организации Объединённых Наций по ВИЧ/СПИД, или UNAIDS — организация, осуществляющая борьбу с эпидемией ВИЧ и СПИДа и ее последствиями — нуждалась в новых идеях. Нужно было выяснить, какие применить стратегии, чтобы привлечь больше молодых людей к борьбе с распространением этой болезни. В результате организация прибегла к методу краудсорсинга. Количество участников здесь несравненно выше.

Такой же подход применяет Организация Объединённых Наций и при обсуждении плана действий на период после 2015 года. Как добиться того, чтобы «Цели развития тысячелетия» (ЦРТ) были достигнуты в намеченный срок, в конце 2015 года? Хотя формирование плана действий — дело государств — членов ООН и их правительств, ООН решила, что нужно спросить людей, каким им видится будущее мира, какие задачи развития стоят

для них на первом месте. Сотни тысяч людей приняли участие в опросе. Конечно, определенная часть опрашиваемых давала ответы во время личных встреч, но большинство отвечали на вопросы и предлагали свои идеи через социальные медиа. Полагаю, для Объединенных Наций сегодня при обсуждении мировых вопросов чрезвычайно важно учесть мнения людей из разных уголков земли, важно получать обратную связь от людей напрямую.

Вы уже упомянули роль новых средств социальных медиа в политических событиях, имевших место недавно в некоторых странах, в частности, в арабском мире. Нельзя недооценивать роль социальных медиа и инноваций в текущих событиях. В развивающихся странах единицы людей имеют смартфоны, поскольку и сами смартфоны, и доступ в Интернет очень дорогие. Зато практически все обмениваются текстовыми сообщениями. Поэтому во время переворотов в арабских государствах применялся механизм «голосовое сообщение — текстовое сообщение». Люди звонили и наговаривали сообщение, которое превращалось в текстовое сообщение, которое затем публиковалось в Твиттере. Хотя доступа к социальным медиа не было, люди использовали инновационный подход и добились, чтобы их услышали. По словам одного молодого активиста из Египта, они выборочно использовали социальные медиа во время восстаний. В Фейсбуке публиковали информацию о том, в каком месте организуется сбор. Посылали текстовые сообщения и сообщения в Твиттер с места события, а затем выкладывали видео в YouTube. Налицо сложная сегментация медиаканалов. Одним из способов применения информационных и коммуникационных технологий сегодня является их использование для приведения в движение глобального сдвига в мировом управлении, для предоставления гражданам возможности выразить свое мнение и принимать активное участие в происходящих событиях.

М. Ким:

Что в таких условиях делает Организация Объединенных Наций? Вы говорили о краудсорсинге посредством социальных медиа. Вы просите людей

поделиться идеями, но, может быть, полученная информация должна учитываться при принятии решений в ООН?

Х. Кларк:

Когда государства-члены ООН ведут переговоры, им нужно знать, что думают люди. По результатам активного участия общественности в дискуссии о целях развития на период после 2015 года Программа развития ООН составила отчет о масштабном диалоге, состоявшемся на международном уровне. Мы завершим работу над докладом к Генеральной Ассамблее и Специальной сессии по «Целям развития тысячелетия» (ЦРТ), которые состоятся в сентябре. Информация будет доступна для специальной рабочей группы, так что государства-члены смогут обсудить цели устойчивого развития, которые могут войти в следующий список «Целей развития тысячелетия». Мы считаем своей обязанностью предоставить слово международной общественности. В Уставе Организации Объединенных Наций написано не «Мы, государства — члены Объединенных Наций», а «Мы, народы Объединенных Наций». Мы стремимся исполнить этот завет, используя новые технологии, благодаря чему мы можем общаться с людьми, давать им возможность активно участвовать в нашей работе.

М. Ким:

Возможно ли, что в недалеком будущем на заседаниях Совета безопасности лидеры государств будут общаться друг с другом в Твиттере?

Х. Кларк:

Ничего невозможного не вижу. Социальные медиа широко применяются в ООН. Наверное, Программа развития ООН была пионером в этом отношении. Я регулярно публикую в своем микроблоге информацию о своей деятельности на @HelenClarkUNDP. Мы также есть в Фейсбуке и на YouTube. Мы общаемся, рассказываем о своей работе через различные каналы. Когда я начала

работать в ПРООН, эта организация показалось мне довольно закрытой, хотя и из лучших побуждений — они не хотели затмевать усилия и достижения государств. ПРООН считает, что вся заслуга за успехи в развитии стран должна принадлежать непосредственно странам. Я же сказала, что нам нужно иметь возможность рассказать о нашей роли в происходящих трансформациях, в изменениях к лучшему. Если мы хорошо выполняем свою работу, благодаря чему жизнь людей улучшается, мы должны об этом рассказать. Так мы стали более открытыми, стали общаться с большой международной аудиторией. И в этом нам помогают социальные медиа.

М. Ким:

После обсуждения информационных технологий давайте перейдем к вопросам культуры, тоже очень важным. С одной стороны, наблюдается необратимый процесс развития культурного плюрализма. С другой — во время недавних событий в некоторых странах после смены правительств, когда использовались современные технологии, происходил переход к власти, менее плюралистической в культурном отношении, новое правительство оказывалось более консервативным. Например, это произошло в Египте. Как, по Вашему мнению, можно достичь баланса в такой ситуации?

Х. Кларк:

Это очень актуальный вопрос. Ряд государств проходят через сложные трансформационные процессы. Во многих странах арабского региона светские режимы. Часть из них находятся в процессе реформирования и модернизации, но при этом остаются авторитарными. По ряду причин в нескольких странах недовольство авторитаризмом достигло точки кипения. Полагаю, есть и экономическая составляющая. В мире разразился глобальный экономический кризис, из-за чего условия жизни, например, в Египте и Тунисе значительно ухудшились. В частности, молодежь в наибольшей мере пострадала от безработицы, молодым специалистам пришлось заниматься

неквалифицированным трудом. У них есть все основания рассчитывать на лучшее будущее, а этого в их странах не предвиделось. Поэтому недовольство правительством росло. Подобные факторы в сумме привели к свержению режимов. При этом далеко не всегда было четкое представление о том, что будет после. Это как когда готовишь омлет: яйца нужно разбить — их разбили, но нет гарантии, что омлет всем понравится.

Около двух лет назад ПРООН организовала конференцию, посвященную процессу смены режима и перехода к демократии, с участием переходного правительства Египта. Мы пригласили людей, которые проделали огромную работу в области перехода от авторитарного режима к демократическому в Латинской Америке, Южной Африке, Индонезии. Все выступавшие высказывали одну и ту же мысль: переходный период — не четко заданная прямая линия. Не может быть прямой линии от точки, где страны находятся сейчас, до точки, где они хотят оказаться. Будет дорога вверх и вниз, будут остановки и развороты.

М. Ким:

Так в горку и под горку или вперед-назад?

Х. Кларк:

И то, и другое. Главное — путь не прямолинейный. Об этом нужно помнить. Я считаю, очень важно, чтобы движущие силы происходящих перемен — смелое провозглашение своего мнения и высокий уровень активности — не сходили на нет. Они должны продолжаться и в переходный период, чтобы был возможен подлинный диалог о будущем страны. Безусловно, в переходный период возникает много проблем и трудностей. Например, экономика Египта сейчас слабее, чем до революции. Будем надеяться, что Египту удастся отдышаться, стабилизировать ситуацию, оживить туристический сектор и экономику в целом. Ведь в стране тысячи людей, особенно молодежь, нуждаются в работе и возможностях для процветания.

М. Ким:

Идея мультикультурализма — можно ли по-прежнему считать ее релевантной в условиях современного мира? Не только в арабских странах, но и на Западе отмечается подъем националистических настроений, даже в Европе. Возможно, концепция мультикультурализма изжила себя и больше не актуальна?

Х. Кларк:

Многоязычие и культурное многообразие — уже неотъемлемая часть современного мира. Современный мир как раз и представляет собой людей разных национальностей, живущих вместе. Хочу поделиться своим мнением как представитель Новой Зеландии — страны, которая стала последним крупным регионом планеты, заселенным лишь в 1200 годы. Как выглядит житель Новой Зеландии сегодня? Он может быть похож на меня, может быть представителем коренного населения, или китайского, индийского, африканского происхождения. То же явление «плавильного котла», как в Соединенных Штатах Америки. И здесь, в Российской Федерации, на территории одного государства проживает много национальностей. Подобную ситуацию мы видим в Европе, где большой процент населения — выходцы из Северной Африки и других стран.

Ни одна страна не должна закрываться. В наших странах живут вместе все большее и большее количество людей из разных стран, разных национальностей. Наше общество не выживет, не будет гармоничным, если мы не примем культурное многообразие. Многонациональность — источник силы, а не бедствий. Мы должны быть едины на фундаменте многообразия.

М. Ким:

Напрашивается вопрос, почему этого не происходит. За последние 20 лет мы хорошо изучили мультикультурализм и направления его развития. И несмотря

на это, даже в Европе можно слышать заявления: «Мы хотим жить в стране без иммигрантов».

Х. Кларк:

Да, действительно, нетерпимость проявляется во многих уголках мира, и я думаю, она усугубляется тяжелой экономической ситуацией. Когда люди теряют работу, они выступают против приезжих. Хотя зачастую те, кого они считают приезжими, живут в данной стране уже несколько поколений. Их дом здесь. Мне кажется, очень важно признать всех, кто решил жить в другой стране и имеет там статус иммигранта, признать вклад этих людей в общество, а не вешать ярлыки из-за принадлежности к национальным меньшинствам.

М. Ким:

И это подводит нас к следующему вопросу о политической ситуации. Объединенные Нации на протяжении многих лет пропагандируют идею международного единства, но в политическом плане мир меняется. На сегодняшний день векторы этих перемен иногда трудно обозначить: арабская весна, сдвиги в движении международного терроризма, подъем националистических настроений в Европе. Как это произошло? Где, по-Вашему, Объединенные Нации допустили ошибку, стараясь выполнить свою миссию — уменьшить разрыв между различными политическими мировоззрениями? Возможно, идея мирового регулирования неосуществима в наше время.

Х. Кларк:

Мир невероятно сильно изменился за последние 70 лет с момента образования Объединенных Наций, когда были провозглашены три кита ООН (мир и безопасность, развитие и права человека). Одним из фундаментальных изменений было то, что войн между государствами стало меньше. Это стало

возможным благодаря дипломатическим усилиям по мирному урегулированию конфликтов. Но по-прежнему достаточно часты внутренние конфликты — если не гражданские войны как таковые, то войны между различными группами людей, отличными друг от друга сообществами. Такого рода конфликты очень сложны.

М. Ким:

Их сложно решать?

Х. Кларк:

Да, намного сложнее. Если проанализировать причины таких конфликтов, это обычно отсутствие сплоченности в обществе: какие-то группы стоят в обществе особняком, общество их не принимает, несправедливо относится, возможно, государство несправедливо поступает по отношению к ним. Подобные проблемы нельзя исправить в одночасье. Для их решения требуется комплекс мер: укрепление мира, после чего следуют меры со стороны государства, укрепление сплоченности общества, затем образование экономической системы, которая была бы эффективной для всех, никого не ущемляя и не игнорируя. Это непрекращающаяся длительная работа.

В настоящий момент искоренение крайней нищеты является одной из приоритетных целей человечества. По мнению многих исследователей, мы должны достичь ее к 2030 году, с чем я не могу не согласиться. Я искренне желаю, чтобы мы добились этого еще раньше. Для этого нам нужно ликвидировать нищету в Сомали, в Афганистане, в Центральной Африканской Республике, в Мали, Демократической Республике Конго. Можно предположить, что в ближайшем будущем география регионов крайней нищеты совпадет с географией возникновения конфликтов. Следовательно, нам, международному сообществу, нужно сосредоточить свои усилия на том, как помочь этим странам преодолеть разрушительные конфликты, тормозящие развитие государств.

М. Ким:

Такова стратегия в Афганистане, например? Планируете ли Вы реализовывать там программы развития, применять тактику, отличную от той, что используется сейчас?

Х. Кларк:

Афганистан — самая крупная в мире программа ПРООН, на которую ежегодно тратятся сотни миллионов долларов. Мы курируем оплату труда афганской полиции. Их зарплата перечисляется из добровольных взносов правительств стран-доноров, через ПРООН.

М. Ким:

Даже местной полиции?

Х. Кларк:

Да, мы платим полицейским, так что на нас огромная ответственность. Мы прикладываем все усилия, чтобы обеспечить прозрачность исполнения этих программ.

М. Ким:

С экономической точки зрения, каким может быть решение?

Х. Кларк:

С экономической точки зрения, как я это вижу, если бы в Афганистане можно было выращивать на продажу такие замечательные продукты, как абрикосы, овощи, фрукты, то для небольших хозяйств это было бы так же выгодно, как продажа мака. Проблема в том, что торговля маком — это система сбыта с очень высокой прибылью. Как следствие, он поступает на нелегальный рынок, причиняет огромный ущерб, ломает человеческие жизни, стимулирует

развитие преступности по всему миру. Задача в Афганистане — построить инфраструктуру, с помощью которой небольшие хозяйства могли бы выращивать хорошие продукты...

М. Ким:

Например, сою.

Х. Кларк:

Да, сою, например. Дело в том, что ее нужно не только вырастить, но и доставить на рынок, получить прибыль от ее продажи. Как я уже сказала, мелкие фермерские хозяйства — если бы они могли продавать абрикосы — получали бы от этого не меньше, чем от продажи мака.

М. Ким:

Безусловно. Но сегодня там фактически не существует системы сбыта как таковой. Нужно создать новую.

Х. Кларк:

Совершенно верно, нужна легальная система сбыта, инфраструктура, сеть автодорог, возможность торговать на рынке.

М. Ким:

Перейдем к группе стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка). В ее состав входит и Российская Федерация. Какова позиция Объединенных Наций по отношению к БРИКС? Каким образом Объединенные Нации и БРИКС будут строить отношения?

Х. Кларк:

Сегодня есть такое явление, которое можно назвать «неформальные многосторонние отношения». «Большая двадцатка» — яркое тому

подтверждение. Деятельность этой группы не регулируется конвенциями или соглашениями, в отличие от Объединенных Наций или международных финансовых организаций. Она создана на основе неофициального соглашения и предполагает большую свободу действий, включая и свободу для формальных и неформальных многосторонних отношений. Я считаю, что БРИКС — это отличная идея. В эту группу входят страны с развивающейся экономикой, имеющие огромное значение. Они полны идей, активно развивают сотрудничество юг-юг. Мы можем также назвать это сотрудничество восток-восток, так как Россия принимает в нем активное участие. В связи с этим ПРООН старается установить стратегические отношения с Российской Федерацией. Страны БРИКС также обсуждают возможность основания банка развития. На мой взгляд, это прекрасная идея. Страны БРИКС обладают огромным потенциалом в финансовом отношении. В последнем «Отчете о развитии человечества», мы подробно рассказываем о том, что в развивающихся странах сосредоточен огромный резерв капитала, и если найти способ, как инвестировать этот капитал продуктивным образом, прогресс развивающихся стран может быть значительно ускорен. Я положительно отношусь к обсуждениям этой темы, поддерживаю идею создания банка развития, который инвестировал бы не только в страны БРИКС, но и в страны Африки, Южной Азии, Юго-Восточной Азии, арабского мира, Латинской Америки, стран Карибского бассейна и Тихого океана. Думаю, деятельность такого банка приносила бы положительные результаты.

М. Ким:

Сегодня перемены очевидны не только в идеологии, но и в традиционных институтах по всему миру, таких как семья или определенные правительственные структуры. Время от времени деятельность ООН не вполне поспевает за последними тенденциями. Это трудно отрицать. Не думаете ли Вы, что необходима реструктуризация и, возможно, пересмотр

действующих стратегий? Возможно, нужен свежий глоток воздуха — может быть, нужно создать новую организацию внутри ООН?

Х. Кларк:

Понимаете, если бы ООН не было, ее пришлось бы изобрести. Необходима площадка, где страны могут вместе работать над решением проблем, преодолевать различия во мнениях.

М. Ким:

Но ведь со времен холодной войны многое изменилось.

Х. Кларк:

Изменилось, и сильно, в том смысле, что сейчас лучшие времена, эпоха многополярного мира. Однако многополярность не обеспечивает автоматически принцип равносторонних отношений. Потому это и времена неопределенности, когда мы пытаемся разобраться, что к чему.

Остановлюсь на двух моментах. Первое: часто задают вопрос: «Чем занимается ООН? Зачем вообще нужна эта организация?» Проработав здесь четыре года, ежегодно представляя свою страну на Генеральной Ассамблее ООН, могу сказать, что на саммиты ООН приезжает невероятное количество глав государств, и там проводится великое множество мероприятий и встреч, посвященных кризисным явлениям и актуальным проблемам дня. Все это весьма впечатляюще. Сила ООН в ее неоспоримой роли эффективной площадки для диалога, от этого мы и должны отталкиваться.

Второе — рассмотрим структуру Организации. Это правда, Устав был написан в 1945 году, и его, как оказалось, трудно изменить. Наверное, так же трудно внести поправки в конституцию США. Да, не все процессы протекают быстро и своевременно, как хотелось бы. Совет безопасности был создан в иной исторический период, в ином месте. Очевидно, что СБ должен меняться, чтобы идти в ногу со временем. Вопрос в том, как это сделать. Будем

надеяться, что на решение этой задачи будут устремлены свежие силы. Иначе, если институты ООН не адаптируются, не будут коррелировать с сегодняшней реальностью, то не допущенные туда, но сильные нации начнут направлять свою энергию в другое русло. Такое развитие событий будет весьма досадно. Ведь ООН, как я уже сказала, является отличной площадкой для совместного обсуждения проблем.

То же самое справедливо и для международных финансовых организаций. Важно довести до конца ратификацию реформы квот Международного валютного фонда (МВФ). Не меньшее значение имеют и реформы Всемирного банка. Еще я бы хотела остановиться на вопросе о советах правления фондов и программ ООН, подобных ПРООН. Развивающиеся страны не слишком довольны нынешней структурой этих институтов. Они выступают за такой состав руководящих органов, который бы лучше отражал структуру Объединенных Наций, и я лично в этом с ними согласна. Этот вопрос, на мой взгляд, должен решаться на Генеральной Ассамблее. Важно не допустить, чтобы структуры ООН были неповоротливыми и неизменными; они должны быстро адаптироваться и своевременно реагировать на изменяющиеся геополитические и геоэкономические реалии нашего времени.

М. Ким:

Да, конечно. Под «свежими силами» Вы имеете в виду новых членов Совета Безопасности?

Х. Кларк:

Состав Совета Безопасности необходимо расширять. Вопрос — как...

М. Ким:

Сколько сейчас в нем государств?

Х. Кларк:

Если не ошибаюсь, предполагается добавить к нынешним 15 еще 5...

М. Ким:

То есть пятнадцать?

Х. Кларк:

Пять постоянных членов: Российская Федерация, Китай, Великобритания, Франция и Соединенные Штаты Америки. Еще 10 выборных членов, состав которых меняется. Нужно определить, будет ли реформированный Совет Безопасности иметь больше постоянных членов? Будут ли они обладать правом вето? Если отказаться от идеи постоянного членства, то ввести ли долгосрочное членство с механизмом пересмотра состава? Этот круг вопросов сейчас обсуждается. Я думаю, нужно продолжить работу в этом направлении, нужно достичь консенсуса во имя движения вперед. Есть старая поговорка: «Лучшее — враг хорошего». Может быть, реформа не идеальна и не устроит абсолютно для всех и каждого, но реформа необходима — чтобы ООН, с Советом Безопасности в качестве главного органа, продолжала быть актуальной и конструктивной организацией.

М. Ким:

Что Вы думаете о праве вето? Считаете ли Вы его устаревшим...

Х. Кларк:

Вы задаете вопрос человеку из Новой Зеландии, а Новая Зеландия на Сан-Францисской конференции выступала против вето. Это всегда был спорный вопрос.

М. Ким:

А теперь, работая непосредственно в ООН, изменили ли Вы свое мнение?

Х. Кларк:

Нет, я по-прежнему поддерживаю точку зрения Новой Зеландии, и я несколько раз высказывала свою позицию.

М. Ким:

Считаете ли Вы, что организации, такие как «Большая двадцатка» или «Большая восьмерка», являются аналогом Объединенных Наций?

Х. Кларк:

Нет, по одной важной причине.

М. Ким:

А именно?

Х. Кларк:

Легитимность. ООН создана на базе Устава. Страны официально вступают в ООН; организация открыта для всех государств-членов. «Большая двадцатка», очевидно, нет. В ООН за столом сидят 193 участника. «Большая двадцатка» не может быть признана полностью легитимным международным органом, в отличие от ООН и проводимой Генеральной Ассамблеи, где каждое государство имеет равноправный голос. В этом все дело. Конечно, в последнее время тенденция такова, что страна, председательствующая в G20 — думаю, это началось с Кореи, затем Франция, Мексика и теперь Российская Федерация — старается наладить активное сотрудничество с ООН. Думаю, это положительное явление, и ООН очень ценит взаимодействие с «Двадцаткой». Лично я посещаю конференцию министров финансов G20, организованную по инициативе Франции, затем проведенную в Мехико, а теперь и в Российской Федерации. Видимо, это становится доброй традицией. Генеральный Секретарь ООН участвует в саммите глав «Большой двадцатки». Мы стремимся работать сообща, стремимся поддерживать G20,

потому что она представляет ведущие мировые экономики. Мы также хотим быть уверенными, что при обсуждениях члены «Большой двадцатки» не упускают из виду и точку зрения международного сообщества.

М. Ким:

Действительно, Объединенные Нации включают фактически все страны мира, но порой процесс принятия решения в этой организации слишком затягивается. Например, в таких критических ситуациях, как при событиях в Ливии или Сирии, принятие важных решений оттягивалось из-за бюрократических препятствий, потому что стран много, много и мнений.

Х. Кларк:

Это не бюрократия, это политика. Бывает, мнения расходятся кардинально. Я смотрю на проблему с позиции простых граждан. Огромное количество людей пострадало и продолжает страдать в результате событий в Сирии. Я искренне надеюсь, что международная конференция, о которой говорилось в Женеве, будет организована, и уже скоро. Люди оказались в бедственном положении; нельзя отрицать острую необходимость политического и дипломатического решения конфликта. Люди в Сирии страдают, они вынуждены пересекать границу и бежать в Ливан и Иорданию. Мы стараемся помочь тем, кто уже на протяжении долгого времени живет без крова как в самой Сирии, так и в Ливане и Иордании. Задача эта не простая.

М. Ким:

Перейдем к теме изменения климата. Могли бы Вы рассказать, каково положение дел на международном уровне? Каков план действий? Какая проблема на данный момент является наиболее острой?

Х. Кларк:

На конференции по изменению климата, состоявшейся в Бали в конце 2007 года, было запланировано, что будет подписано новое международное соглашение по изменению климата, которое должно было быть согласовано в Копенгагене в 2009 году. Эту отметку мы уже прошли. Затем подобные конференции по климату состоялись в Канкуне, где были внесены некоторые коррективы в нашу работу, затем в Дурбане в конце 2011 года. Нужно сказать, что правительство Южной Африки прекрасно справилось с задачей предоставления новой «дорожной карты» для соглашения по климату, которое, как предполагается, будет принято в 2015 году. Данный вопрос не терпит отлагательств. Однако в переговорном процессе не наблюдается достаточной энергии, полного осознания того, насколько срочно нужно предпринимать конкретные шаги. Необходимо подготовить почву, проработать определенную базу и прийти к единому решению, чтобы в 2015 году соглашение было успешно принято. Насколько мне известно, Франция выступила с инициативой провести у себя данную конференцию в 2015 году. Франция — важный игрок на мировой арене, очень влиятельный. У нее есть политический вес, и к ее мнению прислушиваются, что, надеюсь, поможет мировому сообществу прийти к соглашению. Однако необходимо проделать определенную работу, чтобы урегулировать все текущие разногласия.

Побывав на последних четырех ежегодных конференциях по изменению климата в качестве администратора ПРООН, могу сказать, что налицо огромное несоответствие между масштабом проблемы, угрожающей нам, и тем, насколько быстро принимаются меры для ее решения. Согласно влиятельным аналитикам из частного сектора, международным энергетическим агентствам и другим влиятельным экспертам, если не преломить ход событий, мы выйдем на повышение температуры на 6 градусов. Это показатели уже выше доиндустриальной эпохи. Потепление на 2 градуса, как предполагается, повлечет необратимые катастрофические изменения. Возникает закономерный вопрос, к чему приведет шестиградусное потепление. Мы должны что-то сделать. Мы должны прийти к соглашению,

которое жестко установит допустимый предел повышения температуры в 2 градуса Цельсия. Но, к сожалению, достаточных усилий к этому не прилагается. Проблема требует немедленных действий: чем дольше решение откладывается, тем сложнее реализовывать меры, которые должны быть приняты.

Мое последнее замечание по этому вопросу: часто, говоря о необходимых действиях, необходимой перестройке, мы слышим мнение, что это слишком затратно. Но если подумать, расходы на организацию более экологичного производства, экологичного потребления и жилья — лишь капля в море по сравнению с тем, что нам придется потратить, чтобы адаптироваться к измененной экосистеме, где происходят разрушительные наводнения, засухи, подъем уровня океана, где люди лишаются крова, уничтожается урожай, страдает туризм и так далее. Я считаю, лучше потратиться сейчас и сэкономить в долгосрочной перспективе.

М. Ким:

Но нельзя упускать из виду, что международный финансовый кризис стал помехой в данном процессе. Из-за него правительства были морально не готовы на такого рода расходы.

Х. Кларк:

Да, это так, но нужно рассматривать и кризис как новую возможность. Я полагаю, что рост «зеленой» экономики создаст новые рабочие места, новую продукцию, новые услуги, новые экспортируемые товары, приведет к росту ВВП. В нынешней ситуации заложен огромный потенциал для развития. Люди склонны видеть только затраты, не задумываясь о заложенной выгоде. Нужно сконцентрировать внимание на выгоде от инвестиций в переход к «зеленой» экономике.

М. Ким:

Одной из «Целей тысячелетия» на 2015 год было расширение прав женщин и содействие равноправию полов. Что касается Российской Федерации, по моему мнению, здесь еще очень многое нужно сделать. Женщин в нашем парламенте только 14%. Для сравнения, в Руанде этот показатель — 56%. Насколько я знаю, цель не была достигнута на международном уровне: запланированные на 2015 год цифры недостижимы. Это так?

Х. Кларк:

Предполагалось, что женщины будут занимать 30% мест в национальных парламентах. Мы почти достигли отметки в 20%, но прогресс в любом случае есть.

М. Ким:

Что значит «почти достигли»? О каком проценте идет речь?

Х. Кларк:

Около девятнадцати, чуть больше. Соединенным Штатам также не удалось достичь этой «Цели развития тысячелетия». В моей стране этот показатель был достигнут примерно в 1996 году. Мы ввели пропорциональную избирательную систему, благодаря чему процент женщин-парламентариев вырос с 20% до 30%. Наиболее распространена система, при которой один член парламента избирается от одного округа. Именно при такой системе женщинам пробиться труднее всего. Связано это с тем, что традиционный образ члена парламента — мужчина с семьей, с женой, которая его всячески поддерживает. Необходимо изменить этот образ.

В Новой Зеландии нам отчасти удалось это сделать, в результате чего 20% мест в парламенте занято женщинами. Когда же была введена пропорциональная избирательная система, политическим партиям пришлось представить полные списки кандидатов. Если они не включают в эти списки женщин, женщины задаются вопросом: «А зачем мне за вас голосовать? Вы

не считаете меня значимым членом общества. В вашем списке нет женщин». Вообще-то, пропорциональная избирательная система эффективна не только для представления женщин, но и меньшинств.

М. Ким:

Когда Вы занимали пост премьер-министра, как много женщин было в Вашем кабинете?

Х. Кларк:

Около трети. Примерно треть женщин в парламенте и треть женщин в кабинете.

М. Ким:

Как дело обстоит сейчас? Что-то изменилось?

Х. Кларк:

Стало хуже.

М. Ким:

Хуже?

Х. Кларк:

В парламенте процент женщин по-прежнему на уровне около 30%. Но он должен быть выше. 30% не достаточно. В идеале нужно достичь 50 на 50, но 30% — адекватная цель в качестве ЦРТ.

М. Ким:

Каково было главное препятствие для достижения этой цели в международном масштабе? Стереотипы? Экономические факторы?

Х. Кларк:

Во всех обществах доминирующим является представление, что места в парламенте должны занимать мужчины. Нужно начать с разрушения этого стереотипа. Нужно, чтобы женщины были готовы вступить в равноправную борьбу и доказать, что они не хуже, что они могут быть лучше, чем кандидаты-мужчины. Необходимо принять меры по уничтожению этого социокультурного барьера. Во-вторых, что касается экономических помех, конечно, предвыборная кампания — мероприятие затратное. По сравнению с мужчинами, женщины не всегда имеют равный доступ к финансированию предвыборной кампании. Наконец, играют роль и особенности жизненного цикла женщин. Они, как правило, берут на себя больше обязательств по уходу не только за детьми, но и за пожилыми членами семьи, родственниками с ограниченными возможностями, с финансовыми трудностями. При этом маловероятно, что они начнут политическую карьеру. Заниматься политикой сложно, если только женщина не живет в большом городе и не располагает средствами для оплаты услуг ухода за детьми или пожилыми родственниками. Женщинам в этом плане приходится нелегко.

Они сталкиваются с социальными барьерами, экономическими, семейными проблемами, а в некоторых странах — и с проблемой безопасности. Женщины-политики могут быть особенно уязвимы. Поэтому мы разработали систему мер, благодаря которым женщины могут более активно участвовать в работе парламента. Программа предусматривает действия со стороны политических партий по изменению текущего положения. Можно изменить то, как партии отбирают и поддерживают кандидатов, как они поддерживают женщин после избрания. Нужен комплексный подход, учитывающий весь избирательный цикл.

М. Ким:

Открыты ли Объединенные Нации к тому, чтобы рассмотреть возможность назначения женщины на высшие руководящие посты? Готова ли к этому

организация? Настал ли момент, когда руководителем ООН может стать женщина? На Ваш взгляд, может ли такое случиться во время Вашей работы в ООН?

Х. Кларк:

Женщины штурмуют этот последний редут. Главой МВФ является женщина, что, бесспорно, является огромным достижением.

М. Ким:

А как же ООН?

Х. Кларк:

ООН? И ООН не станет исключением. Не берусь утверждать, когда именно это произойдет, но не сомневаюсь, что рано или поздно это случится. Надеюсь, на моем веку женщина станет Генеральным секретарем Объединенных Наций. Думаю, для всех женщин мира это будет знаменательным событием. Женщины стали занимать посты глав правительств, глав государств, так и в ООН рано или поздно это случится.

М. Ким:

Позвольте выразить Вам свое восхищение. Можно написать о Вас господину Пан Ги Муну?

Х. Кларк:

Это второй пятилетний срок Генерального секретаря, и на протяжении всего этого времени он оказывал поддержку женщинам. Именно под его руководством была учреждена Структура ООН по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин («ООН-женщины»). Я была назначена на свою должность, многие другие женщины также получили руководящие посты. Господин Пан Ги Мун много делает в этом направлении.

Он за то, чтобы в ООН работало больше женщин-руководителей. Кто станет следующим Генеральным секретарем, решать государствам — членам ООН.

М. Ким:

А Вы бы выдвинули свою кандидатуру?

Х. Кларк:

Нет-нет, я не утверждаю, что это моя цель. Но я надеюсь, что при поиске кандидата на пост Генерального секретаря государства — члены ООН всерьез обратят внимание на талантливых женщин.

М. Ким:

Чисто гипотетически, если представить на минуту, что Вы стали Генеральным секретарем Объединенных Наций, какой первый шаг Вы бы сделали в деле продвижения прав и возможностей женщин?

Х. Кларк:

Я считаю, что программа развития на период после 2015 года предоставляет огромные возможности для расширения прав и возможностей женщин и гендерного равенства, и эта задача названа приоритетной. Инвестирование в эту область — возможно, самое лучшее, что можно сделать для развития страны, учитывая, насколько многогранными будут результаты. Чем больше образования женщина получает, тем выше шансы, что ее ребенок доживет до пяти лет и что получит еще более хорошее образование. Это чрезвычайно важно. Вопрос в том, как привлечь внимание широкой общественности к нуждам и потребностям женщин. Честно говоря, нужно гораздо больше женщин, имеющих полномочия принимать решение на местном, национальном, региональном и международном уровнях. Нужна некая критическая масса женщин на руководящих постах, которая бы смогла изменить нынешние приоритеты.

М. Ким:

Что бы Вы сделали, чтобы обеспечить реализацию прав женщин? Может быть, увеличить процент женщин в ООН до 100%?

Х. Кларк:

Нет, такого мы сделать не можем. Справедливость прежде всего. Мы говорим о равноправии, а не о доминировании. Конечно, мы можем увеличить количество женщин на руководящих постах. Думаю, на национальном уровне, самое главное — чтобы законодательство страны было абсолютно не дискриминационным. Во многих странах до сих пор действуют законы и нормы, ущемляющие права женщин. Это нужно изменить. Вопрос юридического статуса и прав женщин чрезвычайно важен. То же касается и вопросов реализации экономических и политических прав женщин. В этих трех областях нам нужно сконцентрировать свои усилия.

М. Ким:

Ну что ж, настало время завершить нашу беседу и подвести некоторые итоги. Вы подробно рассказали о роли Объединенных Наций в системе мирового регулирования. Думаю, невозможно отрицать, что мир меняется, и руководящая деятельность Объединенных Наций также должна меняться на всех уровнях, по разным направлениям — в плане культуры, мировоззрения, информационных технологий. Наконец, главный тезис — Объединенные Нации должны укрепить свою руководящую роль в современном мире, став более гибкой организацией, более функциональной, оказывая еще большее влияние на современный мир.

Х. Кларк:

Во-первых, я думаю, что ООН адаптирует свою деятельность, как мы уже обсуждали, выслушивая мнения людей. Конечно, решения принимаются

государствами — членами ООН, но мы привлекаем к обсуждению граждан, получаем от них обратную связь и предоставляем полученную информацию на рассмотрение международного сообщества. Это очень важный момент. По инициативе Кофи Аннана Организация Объединенных Наций также вступила в диалог с частным сектором. Нужно иметь в виду, что годовой оборот некоторых крупных международных компаний намного превышает годовой оборот небольших государств. В связи с этим частный сектор играет важную роль, как и международные некоммерческие организации (НКО) и международные благотворительные организации. ООН активно взаимодействует с этими и многими другими новыми институтами.

Во-вторых, я думаю, Объединенные Нации должны использовать свои сильные стороны, то есть роль эффективной площадки для диалога. ООН — исключительная по значимости, ведущая организация с большим количеством участников. Все мы — ее часть. Возьмем для примера сентябрьскую сессию Генеральной ассамблеи в Нью-Йорке: все хотят участвовать. ООН необходимо «сверять часы», чтобы убедиться, что она по-прежнему актуальна как организация, что выполняет свое предназначение быть площадкой для дискуссий по ключевым мировым вопросам. В следующем году, например, в рамках Генеральной ассамблеи будет проводиться встреча по изменению климата, поскольку Генеральный секретарь считает необходимым приложить максимум усилий, чтобы обсуждение соглашения по изменению климата в 2015 году завершилось успешно. Мы должны продолжать свою работу в этом направлении — собрать представителей международного сообщества в одном месте, чтобы вместе решить глобальные проблемы, стоящие на пути прогресса человечества. Такова миссия ООН.

М. Ким:

Госпожа Кларк, благодарю Вас за беседу, спасибо всем присутствующим в зале. Есть ли вопросы? Нет? В этом случае мы можем завершить наш диалог. Спасибо за внимание.

Х. Кларк:

Спасибо.

М. Ким:

Есть вопрос. Прошу, задавайте вопрос, но позвольте мне сначала Вас представить. Андрей Егоров, профессор факультета экономики Санкт-Петербургского государственного университета. Все верно?

А. Егоров:

На Ваш взгляд, есть ли у западных институтов, ООН, финансовых институтов, возможность дотировать продукцию афганских сельхозпроизводителей, чтобы выровнять их шансы или конкурентные возможности с западными, в частности европейскими сельхозпроизводителями? Иными словами, не лучше ли дотировать афганских производителей, чем платить полицейским?

Х. Кларк:

В Афганистане, где огромное количество проблем, нужно осуществить целый комплекс мер. Нужно обеспечить правопорядок, работу полиции. Предоставленные государствами-донорами средства должны были быть направлены, в частности, и на развитие этих институтов при условии, что финансовая сторона вопроса администрируется независимой структурой. Такой структурой выступила ПРООН. Для нас важно поддерживать Афганистан в построении собственных институтов управления не только на центральном уровне, но, самое главное, на региональном уровне, ведь в Афганистане за всю его историю никогда не было сильного центрального правительства. Там сильны региональные центры. Мы очень много работаем и будем продолжать работать на местном уровне.

Затем стоит фундаментальная задача сформировать экономику Афганистана. Поддерживать мелкие фермерские хозяйства? Да, мы работаем и на таком базовом уровне. На мой взгляд, Афганистан в первую очередь нуждается в

инвестициях в инфраструктуру. Надеюсь, крупные компании и правительства «глобального Юга», инвестирующие в развитие страны, считают так же. Развитие инфраструктуры может стать приоритетной задачей, так как в Афганистане ощущается нехватка энергоресурсов, отсутствует транспортная инфраструктура. С решением этой проблемы связано решение и других задач, например поставки сельскохозяйственной продукции на рынки.

М. Ким:

Еще один вопрос, пожалуйста, поскольку мы уже выходим за рамки отведенного времени.

П. Фролов:

Меня зовут Павел Фролов, я IT-предприниматель. Что Вы думаете по поводу института семьи? Его следует скорее укреплять или разрушить? А если институт семьи следует сохранить, то у меня вопрос по поводу демократического представительства: действительно ли голос семейного человека равен голосу одинокого человека при принятии каких-либо решений?

Х. Кларк:

Думаю, институт семьи очень важен, но наше представление о семье меняется. В моей стране, например, всегда считалось, что семья — это мать, отец и дети. Однако сейчас все не так однозначно.

М. Ким:

Не родитель А и родитель Б?

Х. Кларк:

Нет, мать, отец и дети, но такой образ меняется. Сегодня семья — это, может быть, мать, дети, и отец, живущий отдельно. Или отец и дети, а мать живет отдельно. Или бабушка и внуки. Каким бы ни был состав семьи (а он может

варьироваться), думаю, идея семьи и принадлежности к семье как базовой единице общества, играющей крайне важную роль в жизни людей, останется неизменной. Межличностные отношения очень важны. Не стоит, может быть, давать жесткое определение семьи, потому как семья — динамичная структура во многих современных обществах.

М. Ким:

Но она должна существовать как институт. Это ценное образование.

Х. Кларк:

Да. Я считаю, что семья имеет первостепенное значение. Семья очень важна, но люди строят разные семьи. У меня самой детей нет. Но есть отец, ему 91 год, муж, племянницы, сестры, племянники. Эти люди мне очень дороги.

М. Ким:

Возвращаясь к другой части вопроса: имеет ли мнение людей, не имеющих семьи, такое же значение, как мнение семейных?

Х. Кларк:

В идеале, должно быть равноправие. Полагаю, движение в защиту семей фокусируется, главным образом, на поддержке детей. Потому потребности одиноких людей на таком фоне не получают должного внимания. Но несмотря на это, их потребности тоже очень важны. Без поддержки со стороны семьи человек более уязвим в ситуации безработицы, болезни или в преклонном возрасте. Думаю, очень важно оказывать поддержку одиноким людям.

М. Ким:

Благодарю за участие в сегодняшнем обсуждении. Еще раз спасибо, госпожа Кларк.